

скую культуру въ Галиціи къ украинству, конечно, самое отрицательное.

По мнѣнію «Націоналиста», Шевченко можно сравнить развѣ съ разъяреннымъ животнымъ, устраняющимъ съ пути безъ разбору все, что попадаетъ подъ его когти». У этого автора націоналисты не находятъ «ни одной возвышенной мысли». И не можетъ ея, разумѣется, быть у человѣка, который является «олицетвореніемъ злобы, ненависти, зависти, проповѣдникомъ анархическихъ идей, разврата и безвѣрія». Даже если бы и заранѣе не зналъ, чьему перу принадлежитъ послѣдняя цитата, можно бы было объ этомъ догадаться: такъ энергично выражаются только ренегаты. Если къ приведенному матеріалу прибавить нѣсколько дѣтско-наивныхъ сантиментально-напыщенныхъ «разсужденій» о патріотизмѣ, націонализмѣ и проч. высокихъ матеріяхъ, то содержаніе трехъ тощихъ книжечекъ «Націоналиста» будетъ исчерпано.

Русскіе безъ ковычекъ могутъ быть довольны «русскими» въ ковычкахъ: работаютъ старательно.

Съ «Націоналистомъ» и вообще съ «русской» литературой въ Галиціи особенно рекомендовалъ бы познакомиться тѣмъ опекунамъ москвофиловъ, которые причисляютъ себя къ либеральному лагерю.

Дм. Донцовъ.

Павель Игнатьевичъ Житецкій (1836—1911). *Оттискъ изъ Ежегодника Коллегіи Павла Галагана. Стр. 33. Кіевъ, 1912.*

Годъ съ небольшимъ тому назадъ скончался выдающійся украинскій ученый, авторъ многихъ замѣчательныхъ трудовъ по исторіи украинскаго языка и литературы, П. И. Житецкій. Покойный никогда не замыкался въ тѣсную сферу чисто кабинетныхъ изысканій; выдающійся ученый, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и живымъ, отзывчивымъ гражданиномъ своей родины, болѣвшій ея болями, чутко откликавшимся на ея запросы и нужды, на своей личности испытывавшимъ до нѣкоторой степени ея горькую судьбу. Какъ бы созданный для профессорской каѳедры, Житецкій тѣмъ не менѣе всю свою жизнь оставался, по его собственному выраженію, «папомъ безъ парафіи» (безприходнымъ попомъ) благодаря его украинскому происхожденію и убѣжденіямъ. Въ молодости вмѣсто научной работы при университетѣ Житецкій долженъ былъ довольствоваться тяжелымъ и мало продуктивнымъ въ научномъ смыслѣ трудомъ преподавателя средней школы, ибо ему дано было понять, что профессоромъ литературы въ кievскомъ университетѣ «можетъ быть только великороссъ и притомъ москвичъ». Когда, впослѣдствіи, Житецкій все-таки попытался занять каѳедру, уже какъ извѣстный ученый, то кievскій университетъ попросту забаллотировалъ его. И только незадолго до смерти Житецкаго тотъ же университетъ призналъ его достойнымъ докторской степени *honoris causa*, — но уже было поздно: силы ушли на борьбу съ житейскими невзгодами...

Такимъ образомъ, какъ крупная научная величина, Житецкій почти не былъ использованъ, и его научная работа протекала въ условіяхъ, не благопріятствующихъ такой дѣятельности. Но зато онъ развернулъ во всю ширь свой воспитательный талантъ, сдѣлавшись «учителемъ учителей», какъ преподаватель многихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ извѣстной коллегіи Павла Галагана. Черезъ руки Житецкаго прошли многія поколѣнія молодежи, не одинъ изъ его учениковъ занимаетъ теперь видное мѣсто въ ученomъ мѣрѣ, интересомъ къ научной работѣ будучи обязанъ въ значительной степени урокамъ покойнаго. Неудивительно поэтому, что среди бывшихъ учениковъ Житецкаго хранится память о немъ, какъ о свѣтломъ «учителѣ жизни», заложившемъ первые ростки сознательнаго отношенія къ наукѣ и жизни. Неудивительно, что имя покойнаго среди его учениковъ окружено особымъ пѣтизмомъ, носящимъ характеръ интимной близости.

Выраженіемъ такого пѣтизма является и настоящій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго, составленный однимъ изъ его учениковъ и напечатанный въ органѣ той школы, украшеніемъ которой былъ Житецкій во время долготѣней своей преподавательской дѣятельности. Несмотря на свой небольшой объемъ и вполнѣ понятные пробѣлы, очеркъ даетъ представленіе о жизни и дѣятельности Житецкаго, являясь однимъ изъ первыхъ опытовъ его біографіи. Нужно надѣяться, что ученики и почитатели покойнаго не ограничатся первыми, уже по одному этому далекими отъ совершенства опытами, а постараются дать болѣе или менѣе полную біографію, характеристику и оцѣнку научной дѣятельности своего учителя. Личность его, взгляды и дѣятельность заслуживаютъ самой широкой извѣстности.

С. Е.

Сидоровъ. *Инородческій вопросъ и идея федерализма въ Россіи.* Изданіе Моск. Отдѣла Всероссийскаго Національнаго Союза. Москва. 1912. Ц. 25 к.

Въ началѣ своей брошюры г. Сидоровъ пытается говорить спокойнымъ тономъ и указываетъ на два возможные пути рѣшенія инородческаго вопроса въ Россіи: путь первый—все растущая централизація и «распространеніе на окраинахъ русской культуры»; путь второй — «предоставленіе инородческимъ окраинамъ національныхъ автономій, а затѣмъ превращеніе Россіи въ федеративное государство» (стр. 5). Въ дальнѣйшемъ онъ пытается прослѣдить развитіе федеративной идеи въ Россіи, причѣмъ обвиненіе въ стремленіи насадить федерализмъ въ Россіи предъявляется самому Александру I. По мысли автора, всѣ современные проекты кадетовъ, трудовиковъ, с.-д., с.-р. и др. въ вопросахъ объ областномъ раздѣленіи Россіи и объ инородцахъ очень близки къ проектамъ Новосильцева и декабристовъ (стр. 45). Въ общей цѣли федеративныхъ попытокъ пересозданія Россіи не послѣднее звено, согласно утверженію г. Сидо-